

О.К. ЕРМАКОВА

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

Контракты с иностранными специалистами в России XVIII — первой половины XIX в.: Источниковедение акта

В статье исследуется эволюция формуляра и содержания контрактов с иностранными специалистами в России XVIII — первой половины XIX в. Прослеживается, каким образом менялась внутренняя форма акта, какие структурные элементы «условного формуляра» развивались, а какие постепенно утрачивали свое значение. Выявлен круг основных содержательных акцентов договоров, а также охарактеризован процесс расширения и детализации смыслового наполнения контрактов в длительной динамике полуторавекового развития. Показано, что на протяжении исследуемого периода контракт существенно утвердился как гарант прав и привилегий иностранца в России и способствовал укреплению социально-правового статуса иностранных специалистов.

Ключевые слова: контракт, договор, иностранцы в России, дипломатика, история договорного права.

Контракт с зарубежным специалистом как форма двустороннего соглашения между Российским государством и частным лицом — иностранным подданным, представляет собой многоаспектный источник, эволюция которого в длительной временной динамике отражает не только этапы развития данного вида документа (его формуляра и содержания), но и знаковые трансформации договорного права, социальных взаимодействий определенного типа, отношения государства к личности иностранца. Совокупность документов, объединяемых термином «контракт», имеет неоднородный состав. Зачастую, когда речь идет о «специалистах, заключивших контракты», как в литературе, так и в источниках, имеются в виду иностранцы, принятые на службу временно, на определенный срок, и не утратившие статуса подданных иного государства. Однако, с источниковедческой точки зрения, мы не всегда имеем дело с документами, которые можно считать полноценными *контрактами*, да и вообще, *актами*. Конечно, это утверждение относится в большей степени к начальному этапу массового контрактования иностранцев на русскую службу в эпоху Петра I, а, например, к первой половине XIX в. уже совсем не применимо.

В первой четверти XVIII в. формуляр русского контракта проходил стадию становления и характеризовался недостаточной разработанностью. В этот период договорные отношения фиксировались

посредством нескольких разновидностей документов: капитуляций, договорных писем, договорных статей, трактатов, договоров, контрактов. Договорные письма, как правило, составлялись от имени российской стороны (в лице дипломатических представителей или других посредников, занимавшихся вербовкой),¹ а капитуляции исходили от иноземцев (обычно текст строился от первого лица, как обязательство иностранца принять на себя определенные должностные функции).² «Договорными статьями» именуется в источниках структурные элементы контрактов / договоров, а также данное словосочетание используется в качестве наименования самостоятельных документов, формуляр которых, с одной стороны, схож с капитуляциями (так как исходит от иностранца: «Статьи на которых аз Царского величества с почтенным послом здесь в Копенгагене, договорился, сие суть...»),³ и подписан лишь одним контрагентом), но с другой — содержит явное указание на взаимные обязательства и характер отношений, характеризующихся как *договорные*. Контракты / трактаты / договоры имели очевидные черты соглашения двух или более участников (в случае, когда нанималась группа иностранцев одновременно), со взаимными правами и обязательствами сторон.⁴

На протяжении длительного полуторавекового развития контракта можно наблюдать, как менялся состав структурных элементов его формуляра. Так, отсылающий к традиции средневековых актов элемент *invocatio* («Богословие»)⁵ практически уходит из употребления к 1720-м гг., а в договорах Екатерининской эпохи (а равно и более поздних) уже едва ли можно встретить такой элемент, как *notificatio* («публичное объявление»). Зато в первой четверти XIX в. очевидное развитие элемента *sanctio* («запрещение нарушения документа»

---

¹ Например: «Аз Андрей Петрович Измайлов, царского величества чрезвычайный посол, у королевского величества дацкого, объявляю сим, что нанял я Стевена Лоубабира, граженина и ножного мастера в Копенгагене в службу вышепомянутого царского величества на четыре года» (Перевод договорного письма российского посла в Копенгагене А.П. Измайлова, составленного 26 апреля 1703 г. при найме на русскую службу мастера С. Лоубабира. РГАДА, ф. 150, оп. 1, 1703 г., д. 12, л. 3 об.).

² «Понеже его царское величество всемилостивейше в службу свою меня Филипа Христофора Бекера его царского величества дворового манетного мастера из Вены на год принять изволил манетное дело по немецки заводить и манетные стемпелы резать, сего ради капитуляцию в последующих статьях учинил...» (Перевод капитуляции монетного мастера Ф. Бекера, 1710 г. РГАДА, ф. 150, оп. 1, 1710 г., д. 7, л. 1).

³ Фрагмент «договорных статей» пушечного дела мастера Нилса Стейсона Геннинта, составленных 5 июля 1703 г. на основе договоренностей с российским послом в Копенгагене А.П. Измайловым. РГАДА, ф. 150, оп. 1, 1703 г., д. 20, л. 2–2 об.

⁴ РГАДА, ф. 150, оп. 1, 1702 г., д. 30, л. 1–1 об.

⁵ Подробнее об особенностях и развитии элемента *invocatio* в западноевропейских актах см.: [Tessier, 1966, p. 42–43].

[Каштанов, 1988, с. 170]), предполагающего теперь не только обязательство ненарушения контракта (что было характерно для XVIII в.), но и конкретные штрафные меры и санкции за несоблюдение условий (правда, лишь со стороны иностранца). Как правило, речь шла о праве российской стороны признать иноземца «неспособным к исполнению возложенных обязанностей» и преждевременно расторгнуть контракт.⁶ Надо заметить, что такая «предупредительность» во многом объяснялась контекстом эпохи. Думается, что контракты времен Петра I могли расторгаться без заблаговременного уведомления иностранца, исходя из потребностей и настроений российских администраторов, а тем более — по воле монарха, несмотря на условия действовавших договоров.

Содержательной основой текстов контрактов служили нормативные акты различных ведомств (к которым по роду службы относились иностранцы), западноевропейские образцы схожих по смыслу документов (не всегда это были именно контракты, но разного рода грамоты, дипломы и свидетельства), а также общее законодательство об иноземцах. Так, в первой половине XVIII в. некоторые положения Морского устава оказались распространены не только на офицеров во флоте, но и на иностранцев вообще, в частности, на технических специалистов. Ссылки на «морской регламент»⁷ встречаются в источниках, когда речь заходит о содержании иноземцев, по возрасту и состоянию здоровья не способных к исполнению обязанностей, а также в отношении вдов и сирот, которым, согласно Морскому уставу, полагалось выплачивать часть жалованья иноземца [Книга, 1778, с. 131]. Однако изначально такие условия не входили непосредственно в текст контракта. Подобного рода пункты появляются в договорах позднее, и в XIX в. уже являются его неотъемлемой частью.⁸

Правило денежного обеспечения отъезда иностранных специалистов из России тоже устанавливалось по аналогии с нормами, действовавшими в отношении морских офицеров из иностранцев: обер- и унтер-офицерам из иноземцев, получившим абшиды (увольнение), следовало выдавать жалованье на проезд, «хотя и в контрактах их не написано, на два месяца по их окладам».⁹ В XIX в. данный вопрос уже регулировался специальными пунктами контрактов, в ряде из которых прописывались конкретные суммы выплат. Например, согласно договору с британским механиком Р. Джаксоном 1846 г., российское

⁶ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1347, л. 7 об.; ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 742, л. 4–8 об.

⁷ ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1253, л. 1а; РГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 68, л. 123 об.

⁸ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 8, л. 61–63; ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 782, л. 2–10; РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 64, л. 121 об.; ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 5592, л. 14 об.

⁹ РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 169, л. 42.

правительство обязывалось выплатить 300 фунтов стерлингов на проезд иностранца с семейством в Лондон и на провоз имущества.¹⁰

Широкомасштабная иммиграция иностранных колонистов в Россию в эпоху Екатерины II ознаменовала начало качественно нового этапа в контрактовании иноземцев. Договоры становятся более развернутыми, расширяется и круг контрагентов. К ним добавляются, например, так называемые «вызыватели» — частные рекрутеры,¹¹ нанятые для вербовки потенциальных переселенцев, и в то же время, сами получавшие широкие права и полномочия в качестве администраторов создаваемых колоний.¹² Изменения претерпевает и формуляр контракта. Так, появляются договоры, в которых контрагентом с российской стороны выступает не конкретный человек — представитель властных структур (полномочный министр, посланник и т.п.), а специальное ведомство — Канцелярия опекунства иностранных. Кроме того, появляются юридические ссылки на основание заключения договора. К примеру, в преамбуле контракта с французом Антуаном Вердье дано пояснение, что соглашение учинено на основании конфирмации, сделанной ее императорским величеством на «поднесенном докладе Канцелярии опекунства иностранных от господина президента графа Григорья Григорьевича Орлова».¹³ Интересно и то, что в подобных контрактах стоит подпись только нанимаемого иностранца (таковы договоры с фабрикантами Ж.-П. Адором, И. Т. Буше, «вызывателями» Л. Докурстом, Ж. Вандини, Л. Зонтагом и др.).¹⁴

Крупные экономические затраты, связанные с иммиграционным проектом Екатерины II, обусловили необходимость законодательной регламентации договорных отношений с частными вербовщиками, ведь в их распоряжение отдавались немалые суммы на организацию сбора колонистов в определенных местах (как правило, в пограничных европейских городах), транспорт и процесс переезда. В связи с этим 17 ноября 1764 г. состоялось «высочайшее утверждение» формы договора с «вызывателями».¹⁵ В контрактах должны были определяться территория, на которой следовало расселять набранных колонистов; размеры и формы вознаграждения за определенное число вывезенных семейств; порядок выдачи средств и ком-

¹⁰ ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 5592, л. 18 об.

¹¹ Практика привлечения профессиональных «агентов-вербовщиков» для поиска потенциальных мигрантов была широко распространена в Европе [Писаревский, 1909, с. 77–78].

¹² См., например: РГАДА, ф. 283, оп. 1, д. 16, л. 53–55 об., 73–74 об.; РГАДА, ф. 283, оп. 1, д. 17, л. 69–70 об.

¹³ РГАДА, ф. 283, оп. 1, д. 16, л. 7.

¹⁴ РГАДА, ф. 283, оп. 1, д. 16, л. 4, 19, 43, 57, 64, 70 об.

¹⁵ [ПСЗ, 1830, № 12283].

пенсации издержек на провоз переселенцев; правила пользования землей и близлежащими угодьями. Кроме того, в данном документе регламентировался следующий уровень контрактования в рамках колониального проекта — определялись требования к договорам между «вызывателем» и поселенцами / землепашцами. Основной акцент делался на соответствии таких контрактов положениям российского законодательства, а особенно Манифеста 1763 г. о вызове иностранцев в Россию.¹⁶ Вербовщикам запрещалось обещать колонистам что-либо сверх объявленного Манифестом. Наряду с этим требовалось письменно закрепить, что поселенцы не получают права выезда из России, пока не вернут все издержанные на них казенные средства. В то же время «вызыватели» могли дополнительно договариваться с колонистами о каких-либо взаимовыгодных условиях по своему усмотрению.¹⁷

В целом тематические блоки контрактов с иностранными специалистами выстраивались вокруг следующих основных вопросов: характеристика должностных функций, обязательство по подготовке учеников, оплата работы (жалованье и различные дополнительные вознаграждения и пособия), обеспечение жильем, право и условия отъезда на родину (при своевременном или же досрочном расторжении договора), порядок перемещений внутри России и за ее пределы в течение срока контракта.

В начале XIX в. в договорах конкретно определялось место службы иностранца (тогда как контракты первой половины XVIII в. предписывали служить «где нужда будет»¹⁸). Если же предполагалась необходимость переездов специалиста с одного места службы на другое, это прописывалось особым пунктом и четко соблюдалось. Например: «Джеймсу Йозуа Карру, кроме Санкт-Петербурга и Екатеринбурга, без его собственного согласия, не будет назначено иного местопребывания, как Камско-Воткинский завод».¹⁹ В первой четверти XIX в. круг регулируемых условий расширяется и детализируется. Разъясняются такие возможности иностранцев, как право на отпуск для поездки на родину в течение срока службы (при этом, в рамках поездки иностранец должен был ознакомиться с новинками западноевропейских технологий и при необходимости выполнить поручения

¹⁶ [ПСЗ, 1830, № 11880].

¹⁷ [ПСЗ, 1830, № 12283]. На практике же оказывалось, что «вызыватели» составляли невыгодные для колонистов договоры, содержавшие дополнительные обязательства поселенцев перед директорами. В этом смысле, жители колоний, организованных частными «вызывателями», оказывались в худшем положении, чем обитатели «коронных» колоний [Bartlett, 1979, p. 61–62].

¹⁸ ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 33, л. 94.

¹⁹ ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 5592, л. 12.

российского начальства);²⁰ дополнительные выплаты и пособия от казны (за обучение русских учеников, переработки); форма и процедура оплаты (например, часть жалованья могла перечисляться родственникам иностранца за границей); освобождение от налогов и рекрутской повинности; права и обязанности относительно перемещений внутри Российской империи; обязательство обеих сторон заблаговременно (за четыре-шесть месяцев) предупреждать о намерении расторгнуть контракт ранее установленного срока; расширенное описание должностных функций (они могли быть прописаны в отдельной инструкции, прилагаемой к контракту).

Договоры предусматривали возмещение казной расходов иностранца во время нахождения его в пути к месту службы (например, из Петербурга на Урал) и обратно по окончании контракта. В 1840-е гг. английские механики Джозеф Дженнингс, назначенный парово-котельным мастером на Воткинский завод, и Вильям Ли, модельный мастер, отправленный на Екатеринбургские заводы, находясь в пути из Петербурга к месту службы, потратили средств больше, чем им было выделено казной. Но, пользуясь условием контракта, где прописано, что все путевые расходы берет на себя казна, им удалось добиться возвращения всей суммы.²¹

В тексте договоров XIX в. разъяснялась служебная иерархия, в которую встраивался иностранец. Например, в соответствии с первым пунктом контракта британского инженера Е. Вигзеля 1853 г., иностранец (назначенный главным механиком уральских заводов) должен был подчиняться Главному Начальнику заводов Уральского хребта, а в отношении управления технической частью Механической фабрики — состоять «под Дирекцией Начальства Екатеринбургских заводов и Управителя Монетного Двора».²²

Многие «условия о службе» (одно из самоназваний контрактов XIX в.) определяли порядок действий в случае смерти иностранного специалиста в течение срока действия договора. Как правило, вдове иностранца выплачивалось жалование мужа за текущий период времени, а также выдавались денежные средства, необходимые для возвращения на родину. Если же иноземец обзавелся семьей уже в России, то его жене и детям выплачивались пенсии. Кроме того, российское правительство оказывало семейству погибшего иностранца и другую поддержку: обеспечивало беспошлинный вывоз имущества за границу или способствовало наиболее выгодной продаже имущества иностранца.²³

²⁰ ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 782, л. 5; ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1347, л. 4.

²¹ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1309, л. 14–15.

²² ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 782, л. 2.

²³ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1309, л. 138; ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 782, л. 3–6.

Содержательное наполнение контрактов менялось с развитием договорных отношений и повышением внимания к личности иностранного специалиста, его пожеланиям и потребностям. С одной стороны, договор изначально подразумевал условия, заранее принятые иноземцем или даже им самим предложенные. Но все дело было в том, насколько впоследствии они исполнялись, как «работал контракт», какой оказывалась его динамика на практике. Если в Петровское время иноземец, несмотря на заключенный контракт, в большей степени зависел от воли государя, то уже в Екатерининскую эпоху правовое положение иностранцев укрепились, а с первой четверти XIX в. стала очевидна устойчивая юридическая сила контракта, с которой считались не только «мелкие», ведомственные начальники, но и администраторы высшего уровня. К середине XIX в. контракт рассматривался как полноценный гарант прав наемного специалиста, в том числе и в тех случаях, когда решение спорных вопросов доходило до уровня императорских указов.

Список литературы

- Каутанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. 231 с.
Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в.: По неизданным архивным документам. М., 1909. 438 с.
Bartlett R. Human Capital: The Settlement of Foreigners in Russia. 1762–1804. Cambridge, 1979. 358 p.
Tessier G. La Diplomatie. Paris, 1966. 128 p.

Список опубликованных источников

- Книга Устав морской: О всем, что касается доброму управлению, в бытности флота на море. СПб., 1778. 298 с.
Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1649–1825 гг. Т. 16: С 28 июня 1762 года по 1764. СПб., 1830. 1018 с.